

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

© 1995 г., ЭО, № 2

«Ставя человека во главу угла». Обзор книг М. Черны по прикладным исследованиям в этнологии и социологии села

Недавно опубликованное второе, дополненное и переработанное, издание широко известной за рубежом коллективной монографии под редакцией Майкла Черны¹ заслуживает не просто рецензии, но заставляет задуматься над проблемой прикладных этнологических исследований в целом, т. е. над областью их применения, целями и методами, значением для самой науки и практики. Это тем более необходимо, поскольку за рубежом в последние годы явно наметился перелом в отношении профессиональных этнологов (или культурных антропологов, пользуясь преобладающим в англоязычных странах термином) к прикладным разработкам. Поэтому на время отвлечемся от книги М. Черны и остановимся на более общих сюжетах, имеющих отношение к данной теме.

Излишне напоминать, что многие исследования этнологов имели некоторое прикладное значение и что нередко их результаты частично использовались в практических целях. Однако в последние годы принципиально новым аспектом в развитии этнологии (культурной антропологии) за рубежом стал переход значительной части профессионалов к практической деятельности — консультированию и экспертизе по заказам частных, государственных и международных организаций. Все чаще и глубже вовлекаются в эту же сферу деятельности и те специалисты, которые одновременно сохраняют место в университетах или исследовательских центрах, тем самым формально оставаясь на «академических» должностях.

В качестве подтверждения этой тенденции имеет смысл привести некоторые данные по Соединенным Штатам Америки: из числа только что защитивших докторские диссертации по антропологии (включая физическую и культурную антропологию, археологию и лингвистику) в начале 1970-х годов на «академические» должности уходило 80—90%, в середине 1980-х — только 50—60%, в начале 1990-х годов — около 70% ученых. Остальные же находили работу вне университетов и исследовательских центров (лабораторий) при них, т. е. в подавляющем своем большинстве становились практиками, непосредственно входящими в штат государственных, частных или международных организаций ненаучного профиля либо частных консалтинговых фирм².

В начале 1990-х годов среди всех членов Американской антропологической ассоциации (около 11 тыс. человек) примерно 20% работали в «неакадемической» сфере, и почти 50% ее членов считали именно «прикладную антропологию» основной областью своих интересов. С 1941 г. в США действует созданное еще при участии Маргарет Мид «Общество прикладной антропологии» (Society for Applied Anthropology), которое издает с 1978 г. свой журнал «Прикладная антропология» (Practicing Anthropology); в дополнение к нему в 1983 г. в рамках Американской антропологической ассоциации образована «Национальная ассоциация по прикладной антропологии» (National Association for the Practice of Anthropology). Последняя организация провела исследование сферы занятости примерно 900 своих членов в 1990 г. Оказалось, что около четверти из них работает в «неакадемической» области; среди этих «практиков по месту работы» 25% являются независимыми консультантами либо лично возглавляют или же выступают соучредителями и ведущими экспертами малых консалтинговых фирм, а еще 7,5% служат в средних (более 100 работников) и крупных консалтинговых фирмах и организациях. Лишь 4% среди «практиков» заняты в крупных частных корпорациях; в государственных организациях работают 25,5% специалистов такого рода³.

Наряду с указанными выше двумя организациями в США профессиональные ассоциации и общества специалистов по прикладной этнологии (культурной/социальной антропологии) в конце 1980-х годов действовали также в Великобритании, Канаде, Франции и в ряде других стран⁴.

В свете вышесказанного не вызывает удивления и тот факт, что в ходе работы XIII Международного конгресса антропологических и этнологических наук была создана новая Комиссия Международного союза антропологических и этнологических наук (МСАЭН) «Антропология в политике и практике» и проведен однодневный симпозиум. Стоит отметить, что Институт этнологии и антропологии РАН (г. Москва) участвовал как в подготовительной работе по организации новой комиссии, так и в ее первом симпозиуме.

Появление новой постоянной комиссии в МСАЭН символизирует успешное развитие прикладных этнологических исследований в последние годы во многих странах мира и, кроме того, признание международным научным сообществом этнологов и антропологов прикладных исследований как особой и весьма важной области знания. Далеко не случайно, что одним из первых шагов новой комиссии стала подготовка к Интерконгрессу МСАЭН 1995 г. во Флоренции⁵.

Сказанное выше показывает лишь внешнюю и, как кажется, достаточно благополучную сторону развития прикладных этнологических исследований. Особое значение, однако, имеет вопрос о социальном и экономическом эффекте прикладных исследований. Иначе говоря, какова же их практическая отдача и можно ли ее точно оценить?

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований (проект В. В. Степалова).

Пожалуй, наибольший опыт в этом отношении накоплен международными организациями, оказывающими помощь в социально-экономическом развитии стран третьего мира. Среди подобных организаций как известностью, так и масштабами, безусловно, выделяется Всемирный банк (The World Bank) и одна из его составных частей — Международный банк реконструкции и развития (International Bank for Reconstruction and Development). Воспользуемся свидетельством вышеупомянутого Майкла Черны — старшего советника по вопросам социальной политики и социологии Всемирного банка: впервые появившись в штате этой организации в 1974 г. консультанты — антропологи и социологи — к настоящему времени значительно упрочили свои позиции, приобрели заслуженный авторитет и тем самым способствовали созданию соответствующих специализированных подразделений Всемирного банка.

Недавно проведенный анализ экономической эффективности проектов, финансировавшихся Всемирным банком, принес следующие результаты. Из 57 завершенных проектов 30 (т. е. 53% из них) на стадии разработки готовились при активном участии социологов и этнологов, проработавших социальные и культурные аспекты их осуществления. В последней группе средний уровень экономической отдачи составил 18,5%, тогда как для проектов, разработанных без или при минимальном участии социологов и этнологов, только 9%. (Последнее означает, что те, кто получал помощь, могли рассчитывать на тот же самый эффект и без осуществления проектов социально-экономического развития, а просто положив выделенные деньги в банк и собирая проценты). Именно такого рода факты и реальная практическая отдача социологической и этнологической экспертизы обусловили существенную трансформацию внутренней политики Всемирного банка: если, согласно инструкциям по подготовке проектов, в 1971 г. требовались только «техническая, экономическая и коммерческая» экспертизы, то в 1983 г. наряду с ними указана и «социологическая»⁶.

На этом фоне, показывающем быстро растущее значение и реальную эффективность прикладных исследований, и имеет смысл рассматривать последнее издание подготовленной Майклом Черны коллективной монографии. Ее первое издание широко использовалось в качестве учебного пособия по прикладной антропологии и социологии развития (с. XI, здесь и далее указаны страницы книги из прим. 1.—А. Я.); вероятно, переработанное издание окажет еще большее воздействие на будущих специалистов-практиков.

В предисловии составитель четко выражает свою позицию, легшую в основу коллективной монографии и ее разделов: открытое противодействие все еще распространенным заблуждениям, таким, как технократические и «экономократические» иллюзии в сфере подготовки и осуществления программ развития, недооценка роли социальных и культурных характеристик населения в его экономическом поведении, преобладающее внимание к «товарам» вместо «социальных актеров», равнодушие к народным знаниям и социальной организации сельских жителей (с. XII). Для понимания содержания книги и поднятых в ней проблем стоит также привести точку зрения составителя (уже из его вступительной главы — с. 37) на терминологию: «...понятия социолог и социальный антрополог используются как взаимозаменяющие друг друга. ...Это оправдывается широким взаимным перекрытием того, что тот и другой делают в рамках программы развития».

Обращает на себя внимание уже сама структура книги (вступительная глава и 9 разделов, включающих 13 глав), отражающая широкий тематический охват и, вместе с тем, внимание к методике и методологии прикладных исследований. Кажущему из 9 разделов предпослано сжатое до 2—3 страниц предисловие составителя, где четко формулируются основные рассматриваемые далее проблемы и принципиальные особенности подходов к их решению.

Книгу открывает вступительная глава М. Черны, посвященная принципам и методам использования социальных наук (в первую очередь социологии села и этнологии, если исходить из отечественной терминологии) в проектах и, шире, в политике развития, инициируемой и финансируемой внешними (по отношению к затронутому населению) силами. С этой точки зрения рассматривается полный цикл любого социально-экономического проекта: 1) формулировка проекта; 2) подготовка обоснования; 3) оценка и исправление обоснования; 4) осуществление проекта, включая мониторинг; 5) оценка результатов завершенного проекта (с. 16). Особое внимание М. Черны уделяет анализу того, что он сам называет «методологией социальных действий». По своей сути она находится между, с одной стороны, конкретным анализом отдельного проекта (будучи более обобщенным продуктом исследования) и, с другой — некими общеметодологическими принципами (являясь более операциональной и готовой к использованию в конкретных условиях). Автор, кстати, подчеркивает двойственность «прикладной социологии и прикладной антропологии» (одновременно обеспечивающих как научно-исследовательские разработки, так и формулирование, постоянную корректировку и проведение в жизнь соответствующей политики по осуществлению проекта) и потому рассматривает прикладные исследования как некую особую реальность, охватывающую как науку (теорию), так и политику (практику) (с. 24).

Первый и один из самых больших по объему разделов, состоящий из трех отдельных глав, посвящен ирригационным проектам. В центре внимания находятся методы исследования местных традиционных способов орошения и соответствующих социальных структур и, главное, путей трансформации народного опыта орошаемого земледелия и социальной организации местного населения для органичного включения последнего в пользование современными ирригационными системами. Взаимосвязанность и взаимообусловленность технологических и социальных аспектов изменений при осуществлении ирригационных проектов рассматриваются Уолтером Ковардом. Глава Бенжамина Багдиона и Фрэнсиса Кортеа посвящена вопросам формирования организаций пользователей создаваемых ирригационных систем, а в главе Дэвида Фримэна и Макса Лоудермила рассматриваются те же проблемы, но с несколько иных методологических позиций.

Следующий раздел, состоящий из двух глав, посвящен проблемам, возникающим в районах первоначального заселения или поселения вынужденных мигрантов. Выделение двух глав обусловлено фундаментальной разницей людских контингентов, участвующих в почти идентичных с технологичес-

кой точки зрения процессах. При освоении новых земель поселенцы-колонисты — это добровольцы, к тому же прошедшие определенный отбор и длительную подготовку. Вынужденными переселенцами (чаще всего выселяемыми из зон затопления при строительстве гидроэлектростанций) являются полные сельские общины, в том числе бедные, малочисленные семьи или одиночки, которые к тому же не имели достаточного времени для подготовки к переселению (с. 145).

Название части, подготовленной Тэйером Скуддером, говорит само за себя: «Социологические рамки анализа заселения новых земель». Автор выделяет четыре основных типа заселения и освоения новых территорий: 1) стихийное заселение с очень небольшой государственной либо другой поддержкой; 2) стихийное заселение, основанное на государственной или иной поддержке; 3) добровольное заселение, обеспеченное государственной или иной поддержкой; 4) обязательное переселение, обеспеченное преимущественно государственными органами (с. 154). Большую часть работы Скуддера занимает детальный анализ методов и значения прикладных исследований на каждой из основных стадий осуществления проекта заселения новых земель: а) планирование, первоначальное развитие инфраструктуры и набор поселенцев; б) переходная; в) экономическое и социальное развитие; г) передача поселенцам освоенных земель и созданной инфраструктуры и их инкорпорация в региональное общество (с. 160).

Вторую часть этого раздела написал М. Черны и посвятил ее анализу социальных исследований, политики и планирования проектов по вынужденным переселенцам. Одним из центральных пунктов в рассуждениях автора является тезис о том, что вынужденное переселение всегда означает разрушение первоначальной социальной среды и даже социальной организации мигрантов, что и составляет суть их проблем (с. 195). М. Черны подчеркивает желательность и экономическую эффективность переселения сложившимися социальными группами, что сохраняет культуру и, частично, социальную структуру поселенцев, делая их тем самым намного более способными к адаптации к новым условиям; особого внимания разработчиков проектов заслуживают также взаимоотношения местного населения и переселенческих групп (с. 208).

Следующие разделы отражают конкретную экономическую направленность проектов развития и, следовательно, хозяйственную специфику соответствующих групп населения. Как и в разделе по ирригационным проектам, на первый план выходит анализ существующих местных вариантов культуры жизнеобеспечения и природопользования, хозяйства и соответствующих им социальных структур, а уже на этой основе — принципы и методы выработки рекомендаций по наиболее безболезненной для населения и максимально эффективной трансформации культуры, хозяйства и социальной организации местных жителей в процессе их вовлечения в предполагаемый проект. Такого рода сюжеты рассматриваются Невиллом Дисон-Хадсоном на примере скотоводства в Восточной Африке, Ричардом Поллаком — в отношении рыболовецких общин, Майклом Черны и в другой главе Скоттом Гугтунхеймом и Джоном Спиарсом — на примере лесного хозяйства, Синтией Кук — на материалах проектов по развитию сельских дорог. Стоит подчеркнуть, что практически во всех этих разделах и главах перво-степенное внимание уделяется экологическим аспектам как традиционного природопользования, так и его модернизации в ходе осуществления программ развития и, в частности, проблемам и путям привлечения местных жителей к экологически обоснованным методам использования природных ресурсов (пастбищных, рыбных, лесных). Например, М. Черны посвящает свою главу непосредственно способам включения жителей в программы по восстановлению и сохранению лесов.

Заключают книгу разделы методологического характера, которые должны привлечь особое внимание отечественных специалистов. Богатейший опыт, накопленный зарубежными экспертами, изложен точно и полно, что позволяет многое из него взять на вооружение и одновременно избежать характерных ошибок.

Глава «Когда людей не ставят во главу угла: некоторые социологические уроки закончившихся проектов», написанная Конрадом Коттаком, — часть раздела «Оценка». На основе критического анализа результатов осуществления 68 проектов Всемирного банка, относящихся к 1960—1970-м годам, автор не просто приходит к обоснованному и, как легко догадаться, вполне ожидаемому в книге подобного рода выводу об эффективности этнолого-социологической проработки проектов, которая повышает их экономическую отдачу и снижает вероятность срывов и неудач. Наряду с методикой такого рода оценок и их конкретными результатами, в главе К. Коттака содержится и еще более полезные сведения. Используя и перефразируя «правило Ромера» (палеонтолога, доказавшего, что у первых обитателей суши конечности сформировались из плавников не для того, чтобы обеспечить им выход из водной стихии, а для облегчения перемещения из пересыхавших мелких волоомов в более крупные и глубокие), ученый подчеркивает невозможность формирования в рамках программ развития принципиально новых социальных и культурных феноменов в среде местного населения и нереалистичность абстрактных призывов к «прогрессу», «модернизации», «современным технологиям» и т. п. По его мнению, инновации формируются только в виде развития и усложнения уже существующих социокультурных явлений (будь то социальные структуры, методы хозяйствования или использования природных ресурсов и т. п.), поэтому суть обоснованных программ развития состоит в стимулировании ускоренной и направленной эволюции подобных феноменов. Проекты социально-экономического развития достигают успеха тогда, когда на начинают с облегчения людям путей к достижению уже имеющихся у них жизненных целей (с. 438—439).

Норман Упкофф в главе «Приспособление проектов к людям» (следующий раздел) практически продолжает рассуждения М. Черны во вступительной главе и К. Коттака. Здесь вновь можно встретить анализ социокультурных причин успеха либо неуспеха многих конкретных проектов, однако автор последовательно проводит свою точку зрения: одним из основных гарантов успеха может быть только активное участие местных жителей (в лице отдельных представителей, традиционных либо институционализированных органов самоуправления и т. п.) на всех стадиях, от разработки программы развития соответствующей территории до ее осуществления. Способы и методы привлечения местных жителей к осуществлению проектов, а также анализ возможных ошибок и проблем в этой области и составляют содержание главы Н. Упкоффа.

Заключает коллективную монографию раздел «Сбор социальной информации», написанной Робертом Чамберсом — одним из наиболее интересных и полезных с точки зрения возможности ознакомиться с уже отработанными методами скоростного получения информации в полевых условиях. Из трех способов сбора информации (краткосрочный выезд высококвалифицированного эксперта; быстрая экспедиционная оценка условий в сельской местности; классическое долгосрочное полевое исследование) особое внимание уделяется второму из них как ведущему по значению и разработанному именно специалистами-практиками, готовившими проекты. Получивший особое название (*rapid rural appraisal*) «метод быстрой экспедиционной оценки условий в сельской местности» предполагает особый акцент на наблюдениях, опрос (в виде свободной беседы по ключевым темам) местных экспертов, отбор и опрос наиболее информированных респондентов из числа местных жителей, опрос групп респондентов, совместное с респондентами составление картосхем (сельскохозяйственных и иных угодий, например) или дешифровку аэрофотоснимков и многое другое (подробнее см. с. 523—526). В отличие от классических долговременных экспедиционных исследований, проводимых в рамках этнологии или социологии села, при этом не применяются громоздкие опросные листы, опрашивается гораздо меньшая (чем даже при репрезентативных выборках) часть населения, фиксируется только та часть информации, которая имеет прямое отношение к предполагаемому проекту; существуют и другие отличия. Важно отметить, что с 1980-х годов подобный метод полевой работы начал получать признание многих профессиональных «академических» этнологов и социологов и поэтому некоторые научные журналы стали впервые публиковать работы, подготовленные на его основе.

Заключительная часть Р. Чамберса, как и почти все остальные, написана очень четко и критично: автор рассматривает не только особенности указанного метода, его достоинства и способы применения, но и не менее подробно анализирует недостатки, неизбежные ограничения и типичные ошибки при его использовании. Эту главу имеет смысл прочитать не только тем, кто занимается прикладными исследованиями, но и всем этнологом, работающим в поле, поскольку, как представляется, почти каждому специалисту удастся пополнить арсенал методов экспедиционной работы.

Попытка оценить книгу, подготовленную М. Черны, как единое целое представляется почти невыполнимой задачей из-за ее очень большого объема и широкого тематического охвата. Составитель проделал огромную работу и, благодаря своему авторитету, сумел объединить специалистов, создавших наиболее полную и информативную монографию по прикладной этнологии и социологии села. Это еще и своего рода пособие для обучения и самообучения специалистов.

Однако же и по прочтении книги остается неясным, насколько такой подход, не взвывая на все его убедительно продемонстрированные преимущества, действительно популярен ныне на Западе среди руководителей, и в том числе людей, определяющих политику МБРР, МВФ и других финансовых центров. Главным же, пожалуй, недостатком книги служит привязанность практически всех авторов к проектам Всемирного банка при почти полном игнорировании способов подготовки и результатов осуществления проектов социально-экономического развития, финансировавшихся другими международными или государственными организациями.

В книге на огромном фактическом материале по странам Африки, Азии и Латинской Америки доказывается эффективность указанного подхода — «ставить человека во главу угла» — и, напротив, не менее достоверно показаны негативные последствия программ развития, игнорировавших социокультурную специфику населения. Но все же наиболее ценной и полезной для отечественных специалистов чертой книги является точность и полнота анализа методов и способов проведения социолого-этнологической экспертизы проектов — именно в этом отношении коллективная монография под редакцией М. Черны может сослужить службу и нашим специалистам¹. Вероятно, в России и в других постсоветских государствах уже в ближайшем будущем все большее число этнологов тоже будут заниматься прикладными исследованиями. Для них знакомство с рецензируемой книгой представляется просто необходимым, ибо уже наработанный специалистами Всемирного банка опыт может быть усвоен и, в творчески переработанном виде, использован и у нас.

А. Н. Ямсков

Примечания

¹ *Putting People First: Sociological Variables in Rural Development*/Ed. M. Cernea. 2nd ed., revised and expanded. N. Y., 1991. 575 + XXI p.

² Ширли Фиске и Э. Чамберс приводили эти факты и цифры в своем докладе на симпозиуме «Антропология в политике и практике», работавшем в рамках XIII — МКАЭН (г. Мехико, август 1993 г.) — см. *Fiske Sh., Chambers E. The Institutionalization of Practice in the United States. Paper for the 13th ICAES, Commission on Anthropology in Policy and Practice. Mexico, August 1993. 20 p.*

³ Там же.

⁴ *Baba M. IUAES Commission on Anthropology in Policy and Practice. A. Proposal. March 1992.*

⁵ *IUAES Commission on Anthropology in Policy and Practice. Memorandum, September 1, 1993. (Prepared by Commission Chair M. Baba).*

⁶ *Cernea M. M. Sociological Work within a Development Agency: Experiences in the World Bank. Washington: The World Bank Discussion Paper 51, August 1993. P. 1, 4, 5, 12.*

⁷ Майкл Черны любезно преподнес 1 экз. рецензируемой монографии в дар библиотеке Института этнологии и антропологии РАН, где с ней можно ознакомиться.